

Сосно, В. Культурная жизнь белорусских крестьян и деятельность братьев Тышкевичей. The Cultural Life of Belarusian Peasants and the Activity of the Brothers Tyszkiewicz // Eustachijus Tiškevičius: darbai ir kontekstai. Mokslo straipsnių rinkinys – Vilnius: Lietuvos Nacionalinis Muziejus. 2014. С. 157 – 165.

Владимир Сосно

Белорусский государственный университет, Минск

Культурная жизнь белорусских крестьян и деятельность братьев Тышкевичей

Важнейшей частью белорусской культуры во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. являлась народная культура, богатая и самобытная по содержанию, разнообразная и выразительная по форме. Она отражала мировоззрение крестьянского сословия, его социальную житейскую психологию, художественные вкусы и интересы. Развиваясь под влиянием социально-экономических и политических изменений, происходивших в Белоруссии, народная культура воздействовала на духовную жизнь всего общества, утверждала в нем прогрессивные демократические тенденции. Она хранила в себе большие потенциальные силы и способности, которые в условиях феодально-крепостнического строя не могли раскрыться в полной мере. Крестьянская культура, ограниченная в возможности пользоваться достижениями профессиональной, щедро жила ее сама. Этот процесс влияния народной культуры на элитарную усиливался на закате феодализма.

То, что белорусские земли долгое время были частью Речи Посполитой, имело свои этнокультурные последствия. Полонизация оттянула от белорусской культуры значительные умственные силы, белорусскоязычной осталась преимущественно крестьянская культура. Социальный статус белорусского языка снизился. Он отошел в сферу бытовых отношений, сохранялся и развивался в народных сказках, преданиях, обрядовых песнях. Деревня менее всего подверглась культурно-языковой ассимиляции. Именно социальные низы, и прежде всего закрепощенное и бесправное крестьянство, выполняли в те времена большую культурно-историческую миссию, сохраняя родной язык и национальные традиции. «Когда в 1795 г. историческая судьба слила этот край с Россией, – излагал в 1866 г. свои наблюдения III отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии один чиновник из Белоруссии, – в нем все, что носило отпечаток цивилизации, было уже чисто польское. Правительственным, молитвенным, литературным языком был польский. Народ сохранил свой белорусский говор с примесью многих польских слов. В городах же, в местечках и панских дворах все низшие состояния употребляли уже польский язык»¹. Но языковое влияние было взаимным: белорусский язык оказал такое влияние на местную польскость, что преподаватель поэтики минской школы Михаил Дудинский (Michał Dudziński) вынужден был в свой учебник польского языка, изданный в Вильне в 1776 г.², включить специальный раздел о «варварызмах» (так названы многочисленные белоруссизмы типа *хітры, гібкі, грубы, парогі, сысун, бервяно, дзяркач, ляда, ручай, шыпышына* и др.)³.

Однако, по представлениям большинства, крестьянин был нужен только для сохи и косы и воспринимался как низшее существо. Из шляхетских мемуаров XVIII в. предстает

¹ [Записка неизвестного автора об истории, составе населения, религии и политическом состоянии Северо-западного края], 1866, Государственный архив Российской Федерации в Москве, f. 109, ap. 2, b. 713, l. 4, 8v.

² Żr. [M. Dudziński], *Zbiór rzeczy potrzebniejszych do wydoskonalenia się w ojczystym języku służących*, Wilno: druk. Akad. J. K. M., 1776.

³ А. І. Мальдзіс, *На скрыжаванні славянскіх традыцый: Літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII–XVIII ст.)*, Мінск: Навука і тэхніка, 1980, р. 223–224.

следующий образ мужика: дурной, ленивый, склонный к водке, аморальный⁴. Разумеется, этот образ далеко не соответствовал действительности. Социальное и национальное угнетение не смогло превратить мужика в дикаря. Наоборот, именно народ был лишен таких присущих шляхте моральных пороков, как беспробудное пьянство, расточительство, лень, преклонение перед чужестранщиной. Народ сохранял извечные начала добра и справедливости. Ученый-агроном Андрей Мейер (1742–1807) констатировал, что белорусские крестьяне «одарены многочисленными добрыми качествами», тихие, терпеливые, гостеприимные, стеснительные, но очень бедные и необразованные⁵.

Власти Российской империи долгое время официально не обращали внимания на этническую принадлежность крестьян так называемого Западного края. Они были лишены просвещения и заботы о культурной самобытности, а с 1860-х гг. был взят курс на интенсивную русификацию. Языковую политику страны образно выразил в 1833 г. в отчете императору Николаю I виленский генерал-губернатор Николай Андреевич Долгоруков (1792–1847):

Во все времена, во всех странах мира, язык всегда был и будет непосредственным оружием правительства для достижения всевозможных видов и намерений. Везде господствующий язык государства, как господствующее вероисповедание, как разум коренных законоположений, должен иметь преимущественное уважение пред местными наречиями отдаленных, пограничных или новоприсоединенных стран. Общее употребление господствующего языка в государстве нечувствительно сближает разнородные племена онаго, истребляет народные предрассудки, затемняет самые предания прежней вражды, изглаживает воспоминание о происхождении и наконец сливает все чуждые племена в один народ⁶.

В таких неблагоприятных условиях среди образованной местной шляхты, именовавшейся литвинской, то есть выведившей себя из исторической традиции Великого княжества Литовского, возникло движение за сближение с народной массой на основе изучения и популяризации истории родного края и культуры его жителей. Зародился интерес к народной жизни, фольклору, появилось новое демократическое течение, которое утверждало человеческое достоинство простого люда. Мода на сентиментализм вывела представителей низших сословий на подмостки театров, сделала их героями профессиональной литературы. Демократизация – характерное явление нового этапа в развитии культуры Белоруссии, что началась с конца XVIII в., – проявлялась также в возникновении новых форм организации культуры, которые делали духовные ценности более доступными (например, периодическая печать). Большой вклад в это благородное дело внесли братья Константин и Евстафий Тышкевичи, начав со сбора археологических, этнографических и фольклорных материалов в собственном имении Логойск Борисовского уезда Минской губернии.

Несмотря на высокий графский титул, братья Тышкевичи были близки и просты в контактах с крестьянским людом. Они брали в руки лопаты и вместе раскапывали древние курганы, передевались в крестьянскую одежду и непосредственно входили в хаты деревенской бедноты побеседовать о быте, записать обряды и народные песни⁷.

⁴ А. І. Мальдзіс, *Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя. Нарысы быту і звычаяў*, Мінск: Мастацкая літаратура, 1982, р. 156.

⁵ А. Мейер, Описание Кричевского графства или бывшего староства 1786 г., *Могилевская старина: сборник статей Могилевских Губернских Ведомостей*, 1901, т. 2, р. 92.

⁶Н. А. Долгоруков, Его Императорскому Величеству генерал-адъютанта князя Долгорукова всеподданнейшее донесение, *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1864, кн. 1, р. 180.

⁷ Г. А. Каханоўскі, А. Г. Каханоўскі, *Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч*, Мінск: Навука і тэхніка, 1992, р. 5.

Важнейшим фольклорным трудом Е. Тышкевича стала книга *Opisanie powiatu borysowskiego* («Описание Борисовского уезда»)⁸. В ней, кроме статистическо-хозяйственных и историко-географических сведений о малой родине автора, приведены и описаны деревенские обряды с песнями, суеверия, приметы, пословицы, характеризующие бытовые условия и нравственные отношения в крестьянской среде.

К. Тышкевич собирал песенное творчество крестьян в 1857 г. во время путешествия по реке Вилии (Нярис). В вышедшей позже монографии *Wilija i jej brzegi* («Вилия и ее берега»)⁹ присутствуют фольклорно-этнографические материалы из деревень как на территории современных Белоруссии, так и Литвы. Примечательно, что Е. Тышкевич, проведя последние годы жизни в местечке Биржай, «несмотря на раз от разу тяжелейший упадок здоровья», «начал учиться по-жмудински, собирать народные предания, песни и поговорки»¹⁰.

Основное место в этнографических публикациях Е. Тышкевича отведено описанию крестьянского свадебного обряда, содержание которого мы здесь вкратце изложим.

Хату, где девушка была на выданье, белили светлой глиной, вокруг сажали цветы. В ожидании сватовства девушка старательно чистила мебель, кухонную утварь. Она надевала лучший и вместе с тем будничной, неособенный наряд.

Первым объявлялся сват – обычно человек опытный, веселый, говорливый, уважаемый в округе. В условленное время он прибывал с бутылкой водки и начинал с родителями девушки сложную словесную игру: торговал «яловку», искал «гуску» или «лебедку», восхвалял достоинства парня и перечислял его имущество. Решение обычно принимали родители, согласия девушки особенно не спрашивали. Тогда же оговаривали приданое, вели разговор о хозяйстве молодого – обсуждали материальные основы будущей семьи.

Первая традиционная встреча двух сторон называлась запоинами. После нее к девушке приглашали подруг, которые не отходили от нее до самой свадьбы. Они почти все время пели песни, соответствующие моменту:

Наша Тацянка, наша,
Паймала сабе пташа
Ды ў зялёным жыце,
У чырвоным аксаміце.

Песни подруг отражали душевное состояние влюбленной девушки, в них перечислялись достоинства ее любимого.

Через неделю справлялись «большие запоины» – скромный банкет с участием родственников молодой и молодого. Потом совершались «змовины», на которые приглашали также и жителей деревни. После застолья начинались танцы – скрипка и дуда не стихали ни на мгновение. Во множестве звучали искренние, порой весьма злободневные шутки, стихотворные вариации.

Свадьбу крестьяне обычно праздновали между Покровом и Пасхой, когда урожай убран, полевые работы завершены и можно было богато и щедро накрыть стол, в надежде, что и в доме молодых будет такое же изобилие. Существовало поверье: как отпразднуешь свадьбу, так и будешь жить.

⁸ См. [E. Tyszkiewicz, K. Tyszkiewicz etc.], *Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach i t. d.*, Wilno: Drukarnia A. Marciniowskiego, 1847.

⁹ [K. hr. Tyszkiewicz], *Wilija i jej brzegi*, pod względem hydrograficznym, historycznym, archeograficznym i etnograficznym, dzieło pośmiertne, wydanie illustrowane, Drezno, drukiem i nakładem J[ózefa] I[gnacego] Kraszewskiego, 1871.

¹⁰ В. Каратынскі, *Творы, укладанне, прадмова і каментарыі У. Мархеля*, 2-е выданне, дапоўненае, Мінск: Мастацкая літаратура, 1994, р. 310.

Крестьянская свадьба продолжалась два-три дня. Участвовала вся деревня: одни в роли артистов-певцов, другие в роли зрителей. На «девичьем вечере» невеста расставалась с подругами, а те плели венки и пели песни о том, как девушка грустит, что не тот будет ей мужем, кого любила, что пришло время расставаться с девичьими забавами и утехами, песни об отце, который так любит выпить, что дочку на водку променял, и т. п.

Назавтра являлся с друзьями жених. Получив благословение родителей, молодые ехали в церковь заключать брак. Там они обменивались кольцами, которые в те времена только входили в моду. Возвратившись в дом невесты, гости делили каравай, вручали подарки и садились за праздничный стол. Спустя какое-то время молодежь шла танцевать в корчму, а старшие продолжали пировать. На следующий день замужние женщины принимали молодую в свое общество: усаживали на дежу – деревянную кадучку, обрезали косы, покрывали голову чепцом. Затем наступало расставание, после чего молодой вез жену к своим родителям, которые встречали их на пороге своего дома¹¹.

Кроме описания свадьбы, в записях Е. Тышкевича можно найти пословицы и поговорки: исторические, религиозные, об отношениях подданных с панями, о домашней, семейной и общественной жизни, о земледелии и торговле, на темы морали и т. д. Вот пример исторических пословиц и поговорок:

Як быў Сас, было хлеба з нас.
За Саса было хлеба і мяса.
Настаў Панятоўскі, стаў хлеб не такоўскі.
Нашы дзяды не зналі бяды, але ж унукі набраліся мукі¹².

Позже Е. Тышкевич дополнил их некоторыми новыми:

Варт Пац палаца, а палац Паца.
Дажылі палякі, ні хлеба ні табакі¹³.

Тогдашний фольклор широко отражал культурно-бытовые стороны крестьянской жизни и социальные отношения в деревне, чего нельзя сказать о политическом аспекте. Е. Тышкевич это объяснял следующим образом: «Простые люди, не принимая никакого участия в политической жизни народа, так же мало сохранили и своих преданий из прошлого»¹⁴. Тем не менее, из песенного собрания К. Тышкевича видно, что крестьяне знали о существовании политических центров (столиц) и королевской власти. Например, в одной из песен есть такая строка: «У Варшаве скрыпкі, музыкі іграюць». А вот строчки из другой:

*Ой, у Вільні, Вільні
Усе дзваны задзванілі,
Малыя і вялікія.
Там кароль абедае,
Там кароль абедае,
Якубка прыслугуе,
Кубачкі налівае,
У караля пытае:*

¹¹ Я. Тышкевіч, Вясельныя абрады вясковага люду ў Мінскай губерні, *Фальклор у записях Яна Чачота і братаў Тышкевічаў*, укладанне, сістэматызацыя тэкстаў і каментары В. І. Скідана і А. М. Хрушчовай, уступны артыкул Т. В. Валодзінай, рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш., Мінск: Беларуская навука, 1997, р. 162–174.

¹² Я. Тышкевіч, Прыказкі жыхароў з ваколіц Бярэзіны, *Фальклор у записях Яна Чачота і братаў Тышкевічаў*, р. 242.

¹³ Г. А. Каханоўскі, Л. А. Малаш, К. А. Цвірка, *Беларуская фалькларыстыка: эпоха феадалізму*, Мінск: Навука і тэхніка, 1989, р. 218.

¹⁴ Я. Тышкевіч, Прыказкі жыхароў з ваколіц Бярэзіны, *Фальклор у записях Яна Чачота і братаў Тышкевічаў*, р. 241.

– Ой, каролю, мой пане,
Што я ў цябе выслужу,
Што я ў цябе выслужу,
Што я ў цябе выбуду.
– Ой, выслужыш, Якубка,
Коніка пад сядзелкам,
Паненку пад вянецкам¹⁵.

Братья Тышкевичи высоко ценили устно-поэтическое творчество, душевные качества крестьян и, зная историю, очевидно, отдавали себе отчет в том, что имеют общие с ними корни, и осознавали необходимость единения в тогдашних социально-экономических и политических условиях. Во вступительном слове к публикации пословиц жителей с окрестностей реки Березины Е. Тышкевич утверждал:

Народная поэзия знакомит нас с чувствами простых людей, пословицы – с их мыслями. Такое, в двух этих подходах, ознакомление с народными произведениями может быть совершенно достаточным, чтобы сделать вывод о благородном духовном облике нашего народа. Рассмотрим же в эти черты народного характера. Напоминание о кровном родстве пробуждает в нас общую взаимную привязанность, такую полезную и нужную в разных случаях жизни¹⁶.

Белорусский поэт и фольклорист Нил Гилевич, выходец из Логойщины, назвал этнографические наработки Е. Тышкевича одним из лучших достижений в исследовании быта и творчества белорусского крестьянства¹⁷.

Объективно деятельность братьев Тышкевичей способствовала национальному возрождению белорусского и литовского народов. Знаменательно, что к «Альбому»¹⁸, изданному возглавляемой Е. Тышкевичем Археологической комиссией в 1858 г. для вручения императору Александру II, были приложены от имени крестьянской громады стихотворения на литовском языке Микалоюса Акелайтиса (Mikołaj Akielewicz, 1829–1887) и на белорусском – Винцента Коротынского (Wincenty Korotyński, 1831–1891)¹⁹. Тем самым язык крестьян был как бы поднят на высший политический уровень.

¹⁵ К. Тышкевіч, *Песні, Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў*, р. 302, 310.

¹⁶ Я. Тышкевіч, *Прыказкі жыхароў з ваколіц Бярэзіны, Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў*, р. 241.

¹⁷ Г. А. Каханоўскі, *Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст.*, Мінск: Навука і тэхніка, 1984, р. 52.

¹⁸ *В память пребывания Государя Императора Александра II в Вильне, 6 и 7 сентября 1858 года = Na pamiątkę pobytu Najjaśniejszego Cesarza Jego Mości Alexandra II w Wilnie 6 i 7 września 1858 roku*, Wilno, drukiem Józefa Zawadzkiego, 1858.

¹⁹ І. М. Запрудскі, *Па дарозе на Парнас. Атрыбуцыйныя даследаванні і пытанні рэцэнцыі беларускай літаратуры XIX стагоддзя*, Мінск: выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2012, р. 91–96.